

Торжество добродетели. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Торжество добродетели. Владимир Владимирович Набоков

Поверхностному уму может показаться, что автор этой статьи находится в более выгодном положении, чем любой советский критик, который, живо чувствуя классовую подоплеку литературы, проводит отчетливую черту между литературой буржуазной и пролетарской. Мое преимущество перед ним как будто заключается в том, что я совершенно несознательный элемент, не питаю никакой классовой ненависти к людям, живущим лучше меня, к золотозубому биржевику, хлещущему с утра шампанское, или к упитанному швейцару, состоящему, -- как, впрочем, все берлинские швейцары, -- в коммунистическом ордене, -- а посему могу подходить к политике, философии, литературе без буржуазных или иных предрасположений. Однако пронизательный и честный советский критик ответит, что человеческий, внеклассовый подход к вещам -- абсурд или, точнее, что самая беспристрастность оценки есть уже скрытая форма буржуазности. Утверждение чрезвычайно важное, ибо из него следует, что выдержанный коммунист, потомственный пролетарий, и несдержанный помещик, потомственный дворянин, по-разному воспринимают простейшие в мире вещи -- удовольствие от глотка холодное воды в жаркий день, боль от сильного удара по голове, раздражение от неудобной обуви и много других человеческих ощущений, одинаково свойственных всем смертным. Напрасно я стал бы утверждать, что ответственный работник чихает и зевает так же, как безответственный буржуа; не я прав, а советский критик. Все дело в том, что классовое мышление -- некая призрачная роскошь, нечто высоко духовное и идеальное, единственное, что может спасти от понятного отчаяния пролетарского человека, анатомически устроенного по буржуазному образцу и обреченного не только жить под буржуазной синевой неба и работать буржуазными пятипальными руками, но и носить в себе до конца дней того костлявого персонажа, которого буржуазные ученые зовут буржуазным словом "скелет".

И вот получается любопытная вещь: как Марксово учение приобретает вдруг оттенок необычайной духовности при сопоставлении его с низкой буржуазной анатомией самого марксоведа, точно так же и советская литература по сравнению с литературой мировой проникнута высоким идеализмом, глубокой гуманностью, твердой моралью. Мало того: никогда ни в одной стране литература так не славилась добро и знание, смирение и благочестие, так не ратовала за нравственность, как это делает с начала своего существования советская литература. Если уже искать слабую аналогию, то нужно обратиться к невинному младенчеству европейской литературы, к тому весьма отдаленному времени, когда разыгрывались бесхитростные мистерии и грубоватые басни. Черты с рогами, скупцы с мешками, сварливые жены, толстые мельники и пройдохи дьяки -- все эти литературные типы были до крайности просты и отчетливы. Моралью кормили до отвала, суповой ложкой. Разглагольствовали звери -- домашний скот и лесные твари, -- и каждый из них изображал собой человеческий атрибут, был символом порока или добродетели. Но, увы, литература не удержалась на этой дидактической высоте, ее грехопадением была первая любовная песня.

К счастью, нет никаких оснований предполагать, что советская литература в скором времени свернет с пути истины. Все благополучно, добродетель торжествует. Совершенно неважно, что превозносимое добро и караемое зло -- добро и зло классовые. В этом маленьком классовом мире соотношения нравственных сил и приемы борьбы те же, что и в большом мире, человеческом. Все знакомые литературные типы, выражающие собой резко и просто хорошее или худое в человеке (или в обществе), светлые личности, никогда не темнеющие, и темные личности, обреченные на беспросветность, все эти старые наши знакомые, резонеры, элодеи, праведные грубияны и коварные льстецы, опять теснятся на страницах советской книги. Тут и отголосок "Хижины дяди Тома", и своеобразное повторение какой-нибудь темы из старых приложений к "Ниве" (молодая княжна увлекается отцовским секретарем, честным разночинцем с народническими наклонностями), и искание розы без шипов на торном пути от политического неведения к большевицкому откровению, и факел знания, и рыцарские приключения, где Красный Рыцарь разбивает один полчища врагов. То, что в общечеловеческой литературе до сих пор так или иначе еще держится в произведениях высоко нравственных дам и писателей для юношества и будет, вероятно, держаться до конца мира, повторяется в советской литературе как нечто новое, с апломбом, с жаром, с упоением. Мы возвращаемся к самым истокам литературы, к простоте, еще не освященной вдохновением, и к нравоучительству, еще не лишенному пафоса. Советская литература несколько напоминает те отборные

Торжество добродетели. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
елейные библиотеки, которые бывают при тюрьмах и исправительных домах для
просвещения и умиротворения заключенных.

Имена не запоминаются, имен нет. Матрос в изображении писателя второго сорта и матрос в изображении писателя сорта третьего ничем друг от друга не отличны, и только обезумевший от благонамеренности пролетарский критик может там и сям выскоблить ересь. В этой, в лучшем случае второсортной, литературе (первого сорта в продаже нет) тип матроса так же отчетлив, как, скажем, старинный тип простака. Этот матрос, очень любимый советскими писателями, говорит "амба", добродетельно матюгается и читает "разные книжки". Он женолюбив, как всякий хороший, здоровый парень, но иногда из-за этого попадает в сети буржуазной или партизанской сирены и на время сбивается с линии классового добра. На эту линию, впрочем, он неизбежно возвращается. Матрос -- светлая личность, хотя и туповат. Несколько похож на него тип "солдата" -- другой баловень советской литературы. Солдат тоже любит тискать налитых всякими соками деревенских девчат и ослеплять своей белозубой улыбкой сельских учительниц. Как и матрос, солдат часто попадает из-за бабы впросак. Он всегда жизнерадостен, отлично знает политическую грамоту и щедр на бодрые восклицания, вроде "а ну, ребята!". Мужики избирают его председателем, причем какой-нибудь старый крестьянин неизменно ухмыляется в бороду и одобрительно говорит: "здорово загнул парень" (т. е. старый крестьянин прозрел). Но популярность матроса и солдата ничто перед популярностью партийца. Партиец угрюм, мало спит, много курит, видит до поры до времени в женщине товарища и очень прост в обращении, так что всем делается хорошо на душе от его спокойствия, мрачности и деловитости. Партийная мрачность, впрочем, вдруг прорывается детской улыбкой или же в трудном для чувств положении он кому-нибудь жмет руку, и у боевого товарища сразу слезы навертываются на глаза. Партиец редко бывает красив, но зато лицо у него точно высечено из камня. Светлее этого типа просто не сыскать. "Эх, брат", -- говорит он в минуту откровенности, и читателю дано одним глазком увидеть жизнь, полную лишений, подвигов и страданий. Его литературная связь с графом Монтекристо или с каким-нибудь вождем краснокожих совершенно очевидна.

Такой ответственный работник не моется вовсе. Ответственная работница, о которой речь дальше, брызжет себе в лицо водой, и туалет окончен. Беспартийный обтирается холодной водой. Спец буржуазного происхождения обтирается не водой, а одеколоном, следуя воскресному роскошествованию Чичикова. Ни один из типов, излюбленных советскими писателями, не знаком с ванной, и этот аскетизм находится в связи с тем известным отвращением, которое стыдливая добродетель искони питает к мытью.

Прогуливаясь далее по галерее литературных образов, мы встречаем тип старшего рабочего (или иногда чиновника). Это человек с говорком, с лукавинкой. Писатель

делает его беспартийным только для того, чтобы разоблачить мнимую или поверхностную партийность иных ребят -- мошенников и хулиганов. "Зачем мне в партию, -- говорит он, -- я и так большевик. Дело не в обрядах, а в вере". Другой тип беспартийного (тот, который обтирается холодной водой) -- личность подозрительная -- из бывших интеллигентов, белая кость из него так и прет. Его изблещают и гонят в шеню, или же, благодаря женщине, добродетельной коммунистке, он вдруг начинает понимать свое ничтожество. Он собой открывает серию злодеев. Вот, например, кулак (почему-то чаще всего мельник). У него толстый живот, он хитер и жаден, сперва эксплуатирует бедняков, а затем, когда, как гром Господень, настигает его революция, он примыкает к кадетской партии, довольно бесстрашно -- в своей грешной слепоте -- ругает в лицо большевиков, пришедших реквизировать у него муку и мельницу, и должным образом гибнет от удара штыка в его толстый живот. А вот птица покрупнее -- спец или председатель треста, живущий в великосветской обстановке с женой, кричащей на прислугу, и с канарейкой, поющей на кухне. Опустившись еще ниже, находим старую графиню. Старая графиня говорит "мерси", жеманно кланяется и пьет чай, оставив мизинец. Изредка мелькают белогвардейские сангвиники, генералы, попы и т. д. Достоин внимания и тип интеллигента -- профессор или музыкант. Он скучноват, страдает разными болезнями, слаб волен и с тайной завистью смотрит на своих детей, вступивших в коммунистический союз молодежи. Политически он в худшем случае меньшевик.

Еще проще обстоит дело с типами женскими. У советских писателей подлинный культ женщины. Появляется она в двух главных разновидностях: женщина буржуазная, любящая мягкую мебель и духи и подозрительных спецов, и женщина-коммунистка

Торжество добродетели. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru (ответственная работница или страстная неопитка), -- и на изображение ее уходит добрая половина советской литературы. Эта популярная женщина обладает эластичной грудью, молода, бодра, участвует в процессиях, поразительно трудоспособна. Она -- помесь революционерки, сестры милосердия и провинциальной барышни. Но кроме всего она святая. Ее случайные любовные увлечения и разочарования в счет не идут; у нее есть только один жених, классовый жених -- Ленин.

Нетрудно представить себе, какая, при наличии данных типов, может получиться фабула. Если, говоря на метафизическом советском языке, установка в романе на пол, то вскрывается отношение героини к матросу, к солдату, к бедняку, к кулаку, к сомнительному специалисту и к ее надушенной сопернице -- супруге специалиста. Как и простоватый, но все же святой матрос иногда невольно грешит против класса в своем здоровом, но неосмотрительном увлечении буржуазной женщиной, так и святая героиня -- Катя или Наталья -- бывает иногда введена в дьявольское заблуждение, и предмет ее нежных забот оказывается еретиком. Но, как и матрос, героиня находит в себе силы разбить козни лукавого и вернуться в лоно класса. Партиец застреливает недостойную возлюбленную, комсомолка на другом углу застреливает недостойного поклонника. Другой тип романа -- обличительный: проворовавшихся чиновников постигает суровая кара, или мрачный ответственный работник тонко вскрывает страшную ересь, сокрытую в соблазнительных речах и действиях беспартийного. Еще показывается молодежь -- какую она должна быть и какую быть не должна, а не то сельский учитель прилежно ищет истину и находит ее в коммунизме. Писатели получше любят тему неверующего интеллигента на фоне радостной кумачовой советской жизни.

Торжество добродетели полное -- по всему фронту, выражаясь опять на соответствующем языке. Если попадает ересь, то для мирянина это неощутимо, и нужно быть пролетарским критиком, искушенным в этих высоких материях, чтобы найти тайную печать дьявола. Я умышленно не касаюсь того, хорошо ли или плохо это служение добродетели. Меня только занимает вопрос -- стоило ли человечеству в продолжение многих столетий углублять и утончать искусство писания книг, -- и русские писатели работали над этим немало, -- стоило ли и стоит ли трудиться, когда так просто вернуться к давным-давно забытым образцам, мистериям и басням, вызывающим, быть может, зевоту у простого народа, но зато с должной силой восхваляющим добродетель и бичующим порок? Давайте лучше, господа, захлопнем наши грешные, буржуазные книги, вытащим праведного советского цензора из его скромной кельи, ему тесно в его классовом мирке, он достоин большего простора... Давайте вытащим его, дадим ему всемирные полномочия, пускай он -- с твердостью фильмового режиссера -- направляет нас на путь добра, беспощадно карает зло, обличает взяточничество, лицемерие, гордыню человеческую и на фоне брезжущей зари соединяет в дивном поцелуе уста простой девушки и благочестивого парня. А вы, талантливые грешники, -- молчок!

Впервые: "Руль" (Берлин), 5 марта 1930 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!